

выделена. Вместе с тем было отмечено, что все прослушанные доклады касались только фольклора славянских народов (в основном украинского и русского), и было высказано пожелание, чтобы в дальнейшем на сессии был широко представлен фольклор разных народов Советского Союза.

Некоторые этнографы и антропологи принимали участие также в работе секций по археологии. Так, на секции палеолита старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР М. М. Герасимов прочел доклад на тему «Мальтинская палеолитическая стоянка и ее место среди палеолита Европы». М. М. Герасимов относит эту стоянку к своеобразной культуре, обладающей только отдельными формально-типологическими формами, сходными с верхним палеолитом Европы. Он считает, что истоком происхождения этой культуры является, вероятно всего, юго-восток Азии, а не Европа.

На объединенном заключительном заседании секций этнографии, антропологии и фольклора 10-го мая развернулись прения по прослушанным докладам и сообщениям. Было отмечено, что в 1959 г. заметно повысился теоретический уровень этнографических исследований. Вместе с тем обозначились и недостатки в этнографической работе. Так, этнографы еще до сих пор не добились всестороннего охвата современной этнографической тематики. Большое место в прениях заняло обсуждение задач, которые стоят сейчас перед этнографами в области изучения религиозных пережитков. Было высказано пожелание включить в программу сессии, которая состоится в 1961 г., больше теоретических докладов и организовать на ее заседаниях широкое обсуждение важных дискуссионных проблем этнографической науки.

е

О. А. Ганцкая

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАБОТЫ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР В 1959 ГОДУ¹

Прошло около двух лет с момента созыва XXI внеочередного съезда КПСС, определившего грандиозную программу строительства коммунизма в СССР.

Итоги 1959 г., какой бы отрасли народного хозяйства мы не коснулись, показали, что трудящиеся нашей страны охвачены пафосом творческого, созидательного труда. Патристические подвиги советских тружеников — рабочих, колхозников, инженеров и техников — налагают большие обязательства и на представителей советской науки. Руководствуясь решениями XXI съезда КПСС, все учреждения Академии наук СССР и академий союзных республик сразу же по окончании съезда приступили к составлению планов научных исследований на семилетие. Основные проблемы, выдвинутые в этих планах по разделу этнографической науки, были обсуждены на координационном совещании, состоявшемся в Москве в апреле 1959 г. Участники совещания одобрили инициативу Института этнографии АН СССР, выдвинувшего в качестве центрального направления исследований на семилетие 1959—1965 г. комплекс проблем, связанных с осуществлением строительства коммунизма в СССР. Представители большинства академических учреждений на координационном совещании также заявили о намеченном ими в наступившем семилетии значительном расширении исследований в области современной культуры и быта народов СССР.

Обширная исследовательская работа, запланированная на семилетие, потребовала усовершенствования форм научно-организационной работы, значительного расширения полевых этнографических исследований, обеспечения более тесной координации и кооперации в работе с другими научными учреждениями.

Самой крупной из семи многолетних этнографических экспедиций, функционирующих в Институте этнографии (а вместе с тем самой крупной из действовавших когда-либо в нашей стране), является Комплексная экспедиция по изучению изменений социально-бытового и культурного уклада у народов СССР в эпоху перехода от социализма к коммунизму.

Большинству отрядов экспедиции удалось установить тесный контакт с местными научными и научно-просветительными учреждениями или соответствующими кафедрами высших учебных заведений: проводились совместные полевые этнографические работы, либо отдельные специалисты этих учреждений включались в состав отрядов Комплексной экспедиции. Так, в работе Костромского отряда приняли активное участие сотрудники Костромского краеведческого музея, Центральный отряд установил тесные связи с Горьковским краеведческим музеем. В составе Кубанского отряда работали преподаватели Краснодарского педагогического института и Ростовского университета.

В Восточной Сибири (Приангарье) в составе отряда работали сотрудники Красноярского музея, а Забайкальский и Бурятский отряды кооперировались с Бурятским

¹ В статье использованы отчеты начальников отрядов экспедиции: Л. Н. Чижиковой (Кубанский отряд), Г. С. Масловой (Забайкальский отряд), Л. А. Пушкаревой (Костромской отряд), Л. М. Сабуровой (Приангарский отряд), Г. П. Снесарева (Центральный отряд), Т. В. Станюкович (Казахстанский отряд).

научно-исследовательским институтом. Соответственно обстояло дело и в кавказских отрядах; например, Адыгейский отряд совместно с Адыгейским научно-исследовательским институтом истории, языка и литературы приступили к исследованию преобразований культуры и быта колхозников Адыгеи.

К сожалению, с центральными институтами (особенно одного с нами Отделения — исторических наук) у Института этнографии еще не сложилось таких взаимоотношений, хотя к этому есть все основания. Опыт совместной работы институтов Этнографии и Археологии, между которыми установилась давняя и прочная научная связь, оказался очень удачным. В 1959 г. Институт этнографии, по предварительной договоренности с Пушкинским Домом (Сектор фольклора), вел совместную работу по изучению современности лишь в Костромской области. Прутско-Днестровская экспедиция в работе по подготовке труда по Молдавии установила связи с Институтом философии.

Растут деловые связи Института этнографии с отдельными ведомственными научно-исследовательскими учреждениями, работа которых выполняется по заданию плановых органов Совета Министров СССР или РСФСР. Так, этнографы на основании собранных полевых материалов подготовили зимой 1959/60 гг. для Института труда некоторые предложения, касающиеся перспектив использования трудовых резервов в нашей стране. Совместно с научно-исследовательским институтом «Сельстрой» Институт этнографии разработан вопросник для массового обследования сельского жилого фонда. Сектор Крайнего Севера Института этнографии также выполнил ряд работ по заданию планирующих и других государственных органов.

Комплексная экспедиция, созданная весной 1959 г., включает 18 отрядов. Основные исследования экспедиции в истекшем году были сосредоточены на территории РСФСР; здесь работало 15 отрядов, остальные три работали в Казахской, Армянской и Азербайджанской ССР. Основным объектом полевых работ экспедиции было сельское население, однако не только в колхозах, как это было в предыдущие годы, но и в совхозах, промысловых артелях, на лесосучастках и т. п.; кроме того, проводилась работа среди рабочих промышленных предприятий. Районы работы отрядов экспедиции были выбраны с учетом того, чтобы происходящие преобразования в быту и культуре проследить у населения, которое сформировалось в разных географических, хозяйственных и этнических условиях, имело различные традиции и хозяйственные навыки.

Главное внимание было уделено изучению русского населения. Среди русских работало восемь отрядов, т. е. почти половина всего состава экспедиции. В качестве объектов исследования были избраны центральные области РСФСР, Костромская, Горьковская, Ярославская с исконным русским населением, Смоленская область — смежная с БССР и Прибалтийскими республиками, Кубань — со смешанным русским и украинским населением. Изучалось также русское население Восточной Сибири — Красноярского края, Иркутской, Читинской области, Бурятской АССР, и, наконец, районов целинных земель Казахстана.

Полевые исследования развернулись также среди коренных народов Крайнего Севера: на Таймырском полуострове, где живут смешанно долганы, энцы, эвенки, на Амуре — среди ульчей, в Бурятской АССР — среди бурят. Изучались также мордва, карелы. Три отряда экспедиции работали на Северном Кавказе: в Дагестане, Чечено-Ингушетии и Адыгее и два — в Закавказье.

В 1959 г., продолжая ранее начатые работы по изучению преобразований в культуре и быту различных народов СССР или приступая к ним впервые в среде данного народа, коллектив экспедиции ставил перед собой задачу не ограничивать полевые исследования какими-либо узкими рамками, а стараться всесторонне изучать жизнь той или иной группы населения. Исходным при этом было положение, что проблема перехода от социализма к коммунизму решается в нашей стране в условиях многонационального государства и что в этот переходный исторический период будут активизироваться процессы, характеризующие дальнейшее развитие наций, народностей и этнографических групп. Эти процессы и должны зафиксировать этнографы.

Ярким примером может служить Кубань, где современное население складывается из русских и украинских элементов. При постоянном движении населения и длительном совместном существовании различных групп русских и украинцев они подвергались нивелировке, взаимовлияниям и смешению. В каждой станице можно встретить людей, предки которых пришли и из русских и из украинских губерний, и тем не менее даже теперь бросается в глаза разница в этническом составе населения западных и восточных районов края: в первых преобладает украинское по своему происхождению население, во вторых — русское. Украинское происхождение кубанского населения западных и частично восточных районов в настоящее время яснее всего прослеживается по языку. Что касается национального самосознания жителей обследованных станиц, то все они — и в западных и в восточных районах — называют себя русскими. Материальная и духовная культура населения бассейна Кубани представляют собой сочетание русских (преимущественно южных) и украинских особенностей; последние преобладают в западных, бывших черноморских, станицах. В какой-то мере на Кубани прослеживается (особенно в одежде и духовной культуре) и влияние нерусских народов Северного Кавказа.

Русское население обследованных районов Приангарья также крайне разнообразно по своему происхождению и этническим связям, что сказалось и на формировании

его культуры и быта. В Приангарье выделяются «старожилы», обосновавшиеся здесь с XVII—XVIII вв. (а может быть, и раньше), к которым присоединились и часть абorigенов (так называемые «ясашные люди» — буряты, эвенки и др.) и «новоселы», прибывшие сюда в конце XIX — начале XX в. и живущие иногда компактной группой, занимая улицу или целое село. В Забайкалье выделяются две основные группы русских: «семейские» и «сибиряки». Семейские — старообрядцы были высланы в Забайкалье во второй половине XVIII в. Их приселяли в деревни к «сибирякам», более старому населению, обосновавшемуся в этих местах с XVII — начала XVIII в. К сибирякам-сторожкам относятся и забайкальские казаки (экспедиция посетила два казачьих села). Русские на обследованной территории издавна находились в тесных взаимоотношениях с соседними народами: бурятами, эвенками, татарами и др. О смешении сибиряков-казачков и крестьян с бурятами свидетельствует сильно выраженная монголоидность их физического типа, тогда как у семейских ее почти не наблюдается.

Изучение процесса выработки общих форм культуры и быта на новой, социалистической основе, особенно усилившегося в последнее время, составляло одну из задач экспедиции. Приток населения в Приангарье и Забайкалье увеличился с развитием промышленных центров, особенно же в связи со строительством Братской ГЭС. Пополнялись и колхозы переселенцами из разных областей Европейской части РСФСР; возникали новые леспромхозы, рабочие поселки, совхозы с пришлым населением. Создание смешанных русско-бурятских колхозов и совхозов имело огромное значение для сближения этих групп. За последние годы существенно изменился национальный состав Карелии, куда, в связи с развитием лесной промышленности и организацией новых совхозов, увеличился приток русского и белорусского населения. Это находит отражение в быте, культуре и языке. Аналогичные процессы наблюдаются в республиках Советской Прибалтики. Большой интерес представляют этнические процессы, происходящие в районах целинных земель Казахстана. Исследования Казахстанского отряда показали, что в совхозах в настоящее время проживают представители свыше 28 национальностей, причем наиболее многочисленными группами являются русские, украинцы и казахи. В языковом отношении во всех совхозах старого типа наблюдается смешанный русско-украинский диалект, на котором говорят и казахи; русские же старожилы хорошо владеют казахским языком.

Все отряды Комплексной экспедиции уделили значительное внимание сельскохозяйственному производству в обследуемых колхозах и совхозах, в подавляющем большинстве которых зафиксирован его крутой подъем и выявлены перспективы дальнейшего расширения общественного хозяйства и его преобразований в соответствии с семилетним планом.

Наиболее яркие в этом отношении материалы кубанских колхозов. В 1959 г. было проведено этнографическое обследование восьми колхозов, расположенных в различных климатических и почвенных зонах Кубани, что обусловило некоторые особенности извлечения их хозяйства. Все эти колхозы являются крупными, хорошо оснащенными техникой многоотраслевыми хозяйствами с земельной площадью до 20—26 тыс. га, с числом трудоспособных членов колхоза от 2 до 5 тыс. чел. В 1958 г. большинство колхозов имело высокие доходы — от 2 до 42 млн. руб., что составляло по 160—220 тыс. руб. дохода на каждые 100 га сельскохозяйственных угодий. До недавнего времени ведущее место в экономике сельскохозяйственных районов Кубани занимали производство зерна и мясо-молочное животноводство. Урожай зерновых на Правобережье Кубани достигают 30—35 центнеров с га, в Закубанье — 20—25 центнеров с га. В течение семилетия направление хозяйства несколько изменилось за счет внедрения посевов сахарной свеклы, расширения фруктовых садов и виноградников. Прикубанье станет ведущим экономическим районом РСФСР по производству сахара. Уже сейчас введен в строй ряд новых мощных сахарных заводов. В течение семилетия еще больше возрастет доходность колхозов. Все это благоприятно отразится на дальнейшем переустройстве быта колхозников Кубани.

Богатый материал для изучения условий быта сельскохозяйственных рабочих дало знакомство с совхозом Караваево Костромской области — одним из крупнейших животноводческих хозяйств страны. Совхоз был организован в 1930-е годы и привлек тогда крестьян не только из окрестных мест, но и из отдаленных районов страны. Этнографические наблюдения показывают, как своеобразно формировался быт этого крупного коллектива рабочих совхоза и их семей, в начале разнородного по своим традициям и культуре.

Центральный отряд Комплексной экспедиции работал в заволжских районах Горьковской области. Горьковское Заволжье издавна привлекало внимание исследователей своеобразием хозяйственного уклада и особенностями быта его населения. Этот край всегда был известен своими лесными богатствами, что в известной степени отразилось на его хозяйственном облике. Подзолистые почвы основных районов Заволжья не давали достаточных урожаев зерновых культур; полеводство не имело здесь особого значения, за исключением исконого для этих мест льноводства. Поэтому с давних времен в крае широкое развитие получили кустарные ремесла, связанные в основном с обработкой дерева. Низкому уровню хозяйства этого глухого лесного края соответствовал бытовой уклад населения, сохранявший многие архаические черты. Немало способствовало этому и исконое для этих мест старообрядчество. За годы Советской власти в экономике, быту и культуре населения Заволжья произошли огромные изменения. Основой экономики края стало колхозное сельское хозяйство, ведущими отраслями которого являются

молочное животноводство и льноводство, развивающееся на новой технической основе и имеющее здесь богатые перспективы. Ремесло полностью преобразовано на кооперативных началах.

Интересны экспедиционные материалы, характеризующие хозяйственную деятельность ряда колхозов Восточной Сибири, Забайкалья и Приангарья. Сельское хозяйство этих районов реконструируется с учетом ожидаемого большого прилива населения в связи с грандиозным развитием промышленности, намеченным семилетним планом. В колхозах и совхозах осваиваются новые отрасли сельского хозяйства. Взят курс на усиленное развитие животноводства и огородничества. Строительство Братской ГЭС связано с ним затоплением большой площади вызывает перебазирование ряда колхозов на новые места, а также перестройку хозяйства колхозов ввиду необходимости обслуживания нужд промышленного населения.

Грандиозно по размаху преобразования в Казахстане. Только за четыре года (1954—1958 гг.) там было освоено 23 млн га целины, создано 337 целинных совхозов в степных районах, не имевших прежде постоянного оседлого населения, и свыше 500 совхозов слабо заселенных районах. Только в 1958 г. Казахстан вырастил для страны свыше 950 млн. пудов зерна, заняв второе место в Союзе.

Отрядами Комплексной экспедиции отмечено, что почти повсеместно в СССР в результате больших сдвигов в развитии сельскохозяйственного производства ликвидирован или резко сократился неорганизованный отток сельского населения в города. Молодежь после окончания школы или возвращения с военной службы, как правило, остается теперь в деревне. Большим достижением является пополнение за счет молодежи кадров, занятых в животноводстве. Так, в Костромской области на колхозных фермах работает уже свыше 3 тыс. девушек, что составляет половину всех животноводов области.

Отряды экспедиции основное внимание уделили нескольким темам: постепенное превращение сельскохозяйственного труда колхозников в разновидность индустриального, стирание граней между физическим и умственным трудом, развитие коммунистического отношения к труду, преобразование частнособственных пережитков, что проявляется в частности в степени участия колхозников в общественном труде и личном хозяйстве.

Собраны данные об изменении профессионального состава сельского населения: наблюдается заметное увеличение в сельской местности механизаторов, специалистов сельского хозяйства, сельской интеллигенции. Уже сейчас многие семьи в деревнях нельзя назвать крестьянскими, настолько различен по роду деятельности и социальному положению их состав. Это еще раз убеждает этнографов в необходимости решительнее переходить к изучению культуры и быта различных общественных групп народов СССР.

Всеми отрядами экспедиции отмечен рост материального благосостояния колхозников и рабочих совхозов. Некоторыми отрядами проводилось бюджетное обследование семей. Наиболее высокий материальный уровень жизни колхозников по РСФСР зафиксирован на Кубани и в некоторых пунктах Северного Кавказа. Здесь уже стало повседневной действительностью, что колхозники имеют оплаченные отпуска, передовики сельского хозяйства получают бесплатные путевки в санатории и дома отдыха Черноморского побережья. В этих колхозах установлены пенсии трех категорий, введена оплата по больничным листам, почти везде есть дома для престарелых колхозников, находящихся на полном обеспечении колхоза. Доходы с приусадебных участков в большинстве случаев составляют небольшой процент в бюджете колхозных семей Кубани.

В материалах большинства отрядов нашли отражение намечившиеся изменения в быте колхозников, вызванные начавшимся переходом от расчетов с колхозниками по трудодням к гарантированной денежной оплате. Этим, в частности, вызвано значительное сокращение личного приусадебного хозяйства. Известны и случаи полного отказа от участка или от содержания в личном пользовании скота.

Отрядами экспедиции собраны также материалы по истории поселений, по современному хозяйственному и культурно-бытовому их облику, по состоянию жилого фонда и ходу нового сельского строительства. Большинство отрядов был применен статистический метод подворного обследования усадеб. По темпам жилищного строительства одно из первых мест в РСФСР занимает Краснодарский край. При строительстве новых домов здесь, как и в других местах, используются народные традиции, но вводятся много диктуемых современной жизнью изменений и усовершенствований в конструкции, планировке, отопительной системе и пр. На Кубани широко применяются местные строительные материалы — глина, солома, камыш, камень, а в закубанских предгорных районах — дерево. Много строится турлучных и саманных домов, но в последние годы широко внедряется в строительство кирпич, шлакоцемент, бетонированный ракушечник. Дома большей частью из 3—5 комнат, снаружи оштукатурены или обшиты тесом и почти всегда окрашены. Для местных традиций характерны большое число окон, пристройка открытой галереи, крытый коридор, застекленная терраса.

Возросшие культурно-бытовые запросы сельского населения особенно сильно проявляются в убранных и благоустроенных жилых помещениях. Там можно видеть не только электричество, радио, домашние библиотеки, фабричную мебель, — словом, все то, что стало обычным для многих колхозов нашей страны, — но и такие нововведения, которые в будущем станут распространенным явлением в сельской местности: телевизоры, паровое отопление, газовые плиты, ванны комнаты, канализация и водопровод. Современное сельское жилище на Кубани все более сближается с городским.

Материалы по жилищиу колхозников Дагестана также показывают изменения в планировке, выборе строительных материалов и пр. В частности отмечается, что саманные постройки постепенно проникают все дальше в горы, где раньше строили только из необработанный камня. Старые двухэтажные дома (с помещением для скота в первом этаже) сменяются одноэтажными, в которых жилая площадь больше, чем была в старых домах, а помещения для скота стоят отдельно. В Азербайджане, Дагестане и Чечне отмечена большая тяга к возведению над плоскими крышами новых четырех- или двухскатных шиферных крыш.

Темпы освоения целины в Казахстане потребовали и от строителей интенсивных темпов в застройке новых сел. Об этом говорят цифры ассигнований на капитальное строительство: только по Кустанайской области в 1954—1958 гг. на капитальное строительство было израсходовано свыше миллиарда рублей, в среднем по семь миллионов на каждый совхоз; за эти годы было выстроено и сдано в эксплуатацию около 800 тыс. кв. метров жилой площади, свыше 50 детских учреждений, 113 столовых, 116 магазинов, 129 пекарен, 139 общественных бань и свыше тысячи зерноскладов, животноводческих ферм и машинно-тракторных мастерских.

Нельзя однако умолчать о крайне антихудожественной продукции, проникающей с рынка в деревню (грубо намалеванные коврики, безвкусные картинки и гипсовые изделия и т. п.). Для борьбы с этим необходим широкий завод в сельские магазины декоративных изделий нашей художественной промышленности. Следует поставить вопрос и перед руководством художественной промышленностью о необходимости расширения ассортимента недорогих декоративных изделий, в которых нуждается современная деревня.

Материалы по одежде представляют значительный интерес, но требуют подробного разбора. В настоящем сообщении укажем лишь, что русские в обследованных районах Европейской части РСФСР утратили национальные и локальные особенности в одежде, исключая старообрядцев Горьковской области, хотя и здесь эта одежда сохраняется скорее как обрядовая у пожилых женщин. Русские Сибири в большей мере сохранили местный колорит в одежде, но и там, как и в ряде других мест, это проявляется в основном у бывшего старообрядческого населения (например, группа «семейских» в Бурятии, бухтарминцев в Казахстане). На Кубани и в республиках и областях Северного Кавказа наблюдается своеобразный процесс преобразования народного костюма: приближение его к городскому, вместе с сохранением в нем многих местных элементов.

У бурят старая национальная одежда, приспособленная к кочевому образу жизни и верховой езде, оказалась неудобной в новых условиях и сохраняется кое-где лишь среди старшего поколения; молодежь носит одежду городского покрова, которая чаще всего приобретается в сельских и городских магазинах, но нередко изготавливается и дома. В результате возросшего благосостояния колхозников изменились их вкусы и запросы (например, ко дню празднования 300-летнего юбилея добровольного вхождения Бурятии в состав Российского государства все бурятки колхоза им. Карла Маркса изыщили желание присутствовать на торжестве в платьях только из панбархата, что и было в полной мере учтено магазином селпо).

Подытоживая материалы о преобразовании домашнего быта сельских жителей, полученные отрядами Комплексной экспедиции, можно отметить некоторые общие черты этого процесса. Наряду с быстрым ростом материального благосостояния колхозников и рабочих совхозов повсеместно отмечается рост материальных и духовных запросов жителей села. Интенсивно протекает процесс сближения быта сельских жителей с бытом городского населения, что особенно заметно в селениях, расположенных ближе к городам или крупным промышленным центрам, или в тех, где в среде сельского населения проникает значительный процент бывших городских жителей (например, в целинных районах Казахстана). Вместе с тем в современном быту народов СССР сохраняются многие национальные или локальные черты, особенно в материальной культуре (архитектура, внутреннее убранство жилища, одежда, пища).

Отрядами экспедиции проводилось также исследование семейного быта колхозников и рабочих в различных районах РСФСР. Отдельными отрядами в 1959 г., как и раньше, применялось статистическое подворное обследование. Особое внимание было уделено изучению семейной обрядности. Перечислим некоторые процессы, характерные для современного этапа развития сельской семьи. Для настоящего времени типичен смешанный состав семей по профессиям и социальному положению их членов, а также по национальной принадлежности. Большой интерес представляют материалы о взаимоотношениях поколений в семье, об изживании старых вредных традиций приниженного положения женщины. Большой материал собран участниками экспедиции в Дагестане (см. статью Г. А. Сергеевой в № 5 журнала «Советская этнография» за 1960 г.).

В работе всех отрядов экспедиции большое место занимало изучение культурной жизни колхозного крестьянства народов СССР. Сопоставление материалов из разных районов страны дает возможность сделать заключение о быстром росте культурного уровня сельского населения, однако развитие различных видов культурно-просветительной работы далеко не одинаково в отдельных районах республики. Отрядами зафиксировано много случаев, когда культурные запросы населения не удовлетворялись в той мере, как это требовалось бы. А это особо следует учесть теперь, в связи с приливом молодежи в села, в частности — специалистов. Кадры культурно-просветительных учреж-

дений в селах часто мало квалифицированы и не инициативны. Этот вопрос требует серьезного внимания. Нельзя допускать, чтобы культурная жизнь села отставала от бурного хозяйственного роста, наблюдающегося по всей стране. Одна из задач этнографов — способствовать повышению культурной работы в деревне.

Значительное место в полевых работах 1959 г. занимали темы, характеризовавшие процесс формирования атеистического мировоззрения у народов СССР и пути преодоления религиозных пережитков. В обзорной статье трудно ознакомить с содержанием собранных по этим актуальным вопросам материалов². По всей стране активно идет формирование атеистического мировоззрения. Одновременность исследований и большая территориальная широта охвата полевыми работами позволили определить степень интенсивности этого сложного процесса в разных пунктах страны, его специфические черты, подметить, что способствует или мешает его ускорению.

Интенсивность распространения атеистического мировоззрения находится также, конечно, в прямой зависимости от степени вовлечения членов того или иного сельского коллектива в общественную жизнь, от уровня воспитательной работы, от степени удовлетворения культурных запросов трудящихся села. Там, где население активно участвует в работе местных органов советской и колхозной демократии или где особенно высок уровень культурной жизни села (хорошо работают клубы и дома культуры, развита художественная самостоятельность, систематически ведется лекционная работа и т. д.), там значительно успешнее преодолеваются вредные пережитки прошлого в сознании людей, в том числе и религиозные пережитки. Параллельно с отказом от исполнения религиозных обрядов и празднеств наблюдается формирование новых общественных и семейных праздников, создание новых традиций в этой области, соответствующих взглядам и современному образу жизни советских людей. Наблюдения этнографов вместе с тем свидетельствуют, что научно-атеистическая пропаганда должна быть значительно усилена, ибо борьба за преодоление пережитков в сознании людей является одним из важнейших участков нашей идеологической работы.

* *
*

Работа Комплексной экспедиции рассчитана на ряд лет. Коллективом экспедиции одновременно с камеральной обработкой материалов и подготовкой их к публикации проделана большая работа по составлению новых вопросников и программ. Кроме обеспечения ими отрядов экспедиции, Институт в ответ на запросы разослал программы во многие этнографические учреждения страны. В настоящее время ведется подготовка к публикации сборника программ и инструкций для полевых этнографических исследований.

Л. Н. Терентьева

ОЧЕРЕДНОЕ ПРИСУЖДЕНИЕ ПРЕМИИ ИМЕНИ Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ

В 1946 г. в связи со столетием со дня рождения великого русского путешественника и ученого — этнографа и антрополога Н. Н. Миклухо-Маклая Советским Правительством учреждена премия его имени. Премия размером в 10 тыс. руб. присуждается Академией наук СССР один раз в три года за оригинальные работы в области общей этнографии, этнографии Океании и Юго-Восточной Азии, этнической антропологии и географии Тихоокеанских стран, имеющие крупное значение для развития этих разделов науки.

В 1960 г. премия имени Н. Н. Миклухо-Маклая присуждена доктору исторических наук проф. М. Г. Левину за книгу «Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока», вышедшую в серии Трудов Института этнографии АН СССР (т. XXXVI) в 1958 г. Книга эта — плод многолетнего труда ее автора, собравшего, проанализировавшего и обобщившего огромный материал, полученный в результате собственных полевых и лабораторных исследований, изучения обширной литературы, привлечения данных смежных дисциплин — этнографии, археологии, лингвистики. Автор, следуя традициям Анучинской школы, с успехом применяет принятый в советской науке комплексный метод исследования, создав ценный труд, основанный на использовании различных видов источников для решения сложных проблем этногенеза населения Дальнего Востока. В книге рассмотрены также вопросы соотношения антропологических типов и этнических общностей, расовой систематики, методы расового анализа. Этот круг вопросов теснейшим образом связывается автором с центральной темой — использования антропологического материала в качестве исторического источника³.

² Изложение материалов об атеизме в среде русских колхозников см. в статье Л. А. Пушкаревой, Г. П. Снесарева, М. Н. Шмелевой «Религиозно-бытовые пережитки и пути их преодоления», журн. «Коммунист», № 8 за 1960 г. Институт этнографии готовится также к публикации сборник «Религиозные пережитки и пути их преодоления».

³ Подробнее см. рецензии на эту книгу: Я. Я. Рогинского в журн. «Сов. этнография», 1959, № 1; В. В. Гинзбурга и И. И. Гохмана — «Вопросы антропологии», 1960, № 1.